

ОТВЕТ ОППОНЕНТАМ

Соколова Татьяна Дмитриевна – кандидат философских наук, исследователь. Русское общество истории и философии науки. Российская Федерация, 105062, г. Москва, Лялин пер., 1/36, стр. 2; e-mail: sokolovatd@gmail.com

REPLY TO CRITICS

Tatiana D. Sokolova – PhD in Philosophy, Researcher. Russian Society for the History and Philosophy of Science. 1/36 Lyalin lane, bd. 2, Moscow 105062, Russian Federation; e-mail: sokolovatd@gmail.com

Прежде всего хочется поблагодарить всех дискуссионщиков за проявленный интерес к моему тексту. На мой взгляд, тема исторической эпистемологии в ее французской версии вновь становится актуальной в контексте дискуссий о дисциплинарной дифференциации и подходов к определению научного прогресса в связи с двумя ее особенностями. Во-первых, французская историческая эпистемология представляет собой синтез из непосредственно эпистемологии, истории науки, философии науки, философии техники, а также социологии науки и психологии науки. Этот синкретизм может отпугнуть отдельных исследователей, другие же, напротив, полагают его источником теоретического вдохновения для всех упомянутых дисциплин. В некотором смысле проект исторической эпистемологии, как это отмечает В.Н. Порус, можно рассматривать как пример трансдисциплинарности внутри самой философии. Во-вторых, французская историческая эпистемология (по крайней мере, в версии Гастона Башляра) представляла собой прогрессистский проект и стремилась объяснить и описать прогресс как в науке, так и в философии. Причем отказ от «догматической универсализации критериев рациональности» [Порус, 2023, с. 60] происходит здесь значительно раньше, чем в англоязычной философии науки, что, в свою очередь, приводит к необходимости пересмотра критериев прогресса.

Попробую подвести общие итоги дискуссии и наметить дальнейшие точки ее развития. Наиболее важным элементом этой дискуссии мне представляется то, что она собрала исследователей разного академического бэкграунда и статусов, разных научных интересов и специализаций. Это позволило обсудить затрагиваемые в моем тексте вопросы с иногда неожиданных сторон и представить предмет исследования более полно. В этом отношении дискуссия соответствует искомым критериям интеграции по меньшей мере внутри философского рассмотрения.

С содержательной точки зрения можно выделить несколько основных моментов, которые представляются мне важными и заслуживают дальнейшего обсуждения. Нельзя не зафиксировать, что несмотря на теоретизацию научного прогресса, это понятие до сих пор остается расплывчатым. В дискуссии выделяются две возможные линии концептуализации научного прогресса: для самой науки и занимающихся ей ученых и для философии и философов, т.е. внешние по отношению к науке. И если первый случай допускает возможность дескриптивного подхода, то для философии (это особенно отмечают И.Т. Касавин и Е.Г. Цуркан) возможен только нормативный подход. Такое понимание прогресса ставит вопрос о статусе самой философии: должна ли она соответствовать предъявляемым ею же самой критериям научного прогресса? То есть является ли философия наукой. И.Б. Микиртумов подчеркивает уникальный статус философа, балансирующего между универсалистской концепцией рациональности и необходимостью учета многочисленных исторических, социальных и культурных контекстов. Вопрос о возможности универсалистской концепции рациональности не раз поднимался в истории эпистемологии и философии науки и вряд ли на него можно ответить однозначно. Даже упрощенно понимаемое экономическое определение рациональности ставится под сомнение, в том числе самими экономистами. В то же время, исторический и прочие контексты часто приводят нас к выводу, что общество принимает те научные теории, запрос на которые существует у его элит. И здесь возникает закономерная тема для обсуждения: если этот вопрос не является ясно и отчетливо сформулированным (что чаще всего и происходит), то какие механизмы влияют на то, чтобы этот запрос был, во-первых, воспринят, а во-вторых, исполнен?

Снижение «запада просвещенческого рационализма», о котором пишет И.Т. Касавин [Касавин, 2023, с. 39], ведет к отказу от унификаций и универсализаций рациональности, а это, в свою очередь, приводит к важной проблеме, на которую указывает В.Н. Порус – тотальной релятивизации научного знания. Если философия, равно как и науки, находятся в состоянии методологической анархии, то как возможен разговор о нормативности научного прогресса? Я полагаю, что ответить на этот вопрос можно как раз со стороны дисциплинарной

интеграции, в рамках которой (даже при условии полного методологического произвола) одна дисциплина будет с необходимостью ограничивать другие. Как отмечает А.И. Михайлов, стремление к теоретической универсализации (т.е., по сути, дисциплинарной интеграции) компенсируется возрастающей специализацией самих исследователей. Но теории, в том числе предлагающие дисциплинарную интеграцию, формулируются исследователями и требуют консенсуса внутри научного сообщества из как минимум нескольких областей, готовых к интеграции. Это предполагает не только выработку общих принципов совместного взаимодействия, но и их конкретную реализацию, а также институциональное и академическое оформление. Безусловно, такие подходы как STS, ANT или сильная программа социологии знания предлагают свои объяснительные модели этих процессов. Однако в них доминирует внешний по отношению к широко понимаемой научной рациональности объяснительный подход. Историческая эпистемология, напротив, претендует на то, чтобы объяснить саму научную рациональность и принципы ее трансформации с учетом внешних факторов, таких как исторический, социальный и культурный контексты, а также психологию самих исследователей. Трудно сказать, обречена ли эта попытка на очередное поражение (в конце концов, разные философские течения подвергались разгромной критике, а потом возрождались на новом теоретическом уровне). Тем не менее я продолжаю придерживаться точки зрения, что французская историческая эпистемология может быть интегрирована в современные философские дискуссии о развитии научного знания.